

Доклад на тему: «Якутско-алтайские этнокультурные параллели»

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
РАБОТЫ
УЧАЩИХСЯ

Проект выполнили:

Касьянова Кыйдаана, Семёнова Аурика

ученицы 9-го класса

Руководитель:

Васильева Виктория Васильевна

учитель истории и обществознания

1. Введение

*«...Мы будем видеть мир, как и все,
но только своими глазами. Мы будем
ощущать этот мир, как и все, но только
пропуская через собственное сердце».*

М.Е. Николаев

Народ саха, получивший мировую известность как якутский народ, имеет богатую, интересную и во многом загадочную историю. Наука ещё не установила, и вряд ли точно установит, где прародина этого народа, когда и как сложился он в отдельный этнос, какие причины и когда побудили его на такое далекое переселение, какими путями и когда появился он на Средней Лене, и как началась и продолжилась его жизнь на этом новом месте. Многие исследовали, и не исследовали, хотели дать ответы на эти трудные вопросы. Но они явно похожи на незрячих, ни имеющих никаких письменных и иных достоверных ориентиров и блуждающих наугад по туманным сумеркам давно канувшей старины. Их усилия рождают всё новые умозрительные версии, которые проверить невозможно, но в них очень большой разброс мнений, что само по себе даёт повод для сомнений в их истинности.

Актуальность темы:

Сегодня вступает в жизнь молодое поколение народа саха, которому некогда вооружить прошлое, лишней раз задуматься о прочности жизненного фундамента, на который взойдёт. Искать истоки свои не надменно и предубеждённо, но со всею открытостью и бережностью — благое дело: это прикосновение к памяти, истории предков. Решение проблемы самосознания в контексте изучения якутско-алтайских этнокультурных параллелей позволит оценить состояние этнической общности народа саха с алтайским народом, с его южным происхождением.

Цель исследования:

Изучить прародину народа саха, привить интерес молодого поколения к своим истокам.

Задачи исследования:

Изучение литературных источников про Алтай и традиции алтайского народа;

Сравнить и проанализировать якутско-алтайские этнокультурные параллели;

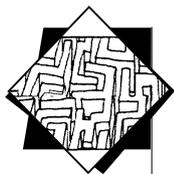
Проследить отражение в этносознании саха происхождения якутов.

Практическая значимость исследования:

Здесь рассмотрены якутско-алтайские этнокультурные параллели через их этносознание. Результаты исследования могут быть полезны в проведении национальной политики на современном этапе.

Согласно мнения большинства исследователей, новая история якутского народа началась на средней Лене предположительно в XVI–XV вв. В легендах якутов красочно освещается начальный период заселения ими долины Туймаады. Как видно из них, изначально прибыло небольшое племя саха, но, возможно, только один или несколько родов с такими самоназванием. Известны имена нескольких родоначальников (Омогой, Элляй) и их небольшого окружения. О численности воинов, простолудинов и рабов легенды умалчивают, но в их подчёркивается факт первоначальной малочисленности племени.

О том, что племя саха было южного происхождения свидетельствует его язык, относимый к тюркской лексической семье, и резкое отличие его культуры и образа жизни среди всех других северных народов. Существует мнение, что этот народ ещё на своей прародине имел развитую материальную и духовную культуру, часть которой, включая письменность, была безвозвратно утеряна при крайне сложных перипетиях долгого и дальнего переселения.

Чуть ли не с самого начала пробуждения научной мысли в царской России было обращено внимание на обособление положение якутов от общей массы родственных им «татарских» народов, являющихся, по преимуществу, степняками и обитателями западных пределов Азии и восточной Европы. «Якутская проблема» включает в себя сейчас следующие вопросы: когда, как и почему, под давлением каких исторических причин и в каком географическом пункте этот «татарский» народ оторвался от своих единокровных братьев, какими путями он добрался в глухой и таёжный Ленский край, за время своего путешествия в глубь Лены не имел ли он где-либо продолжительную остановку и т.д.?

В существующей классификации народов якуты вместе с тюркскоязычными народами Южной Сибири фактически составляют единый хозяйственно-культурный тип.

Выводы и предположения связи происхождения якутов с древними и средневековыми племенами Южной Сибири и общность этногенетических судеб якутов и современных тюркоязычных народов Южной Сибири нуждаются в более детальном рассмотрении. Необходима проверка на основе сравнительно-исторического изучения традиционной культуры якутов с культурами тюркских народов Сибири, имевшими с якутами общих предков в лице прибайкальских курыкан.

2. Алтай и традиции алтайского народа в различных источниках

Горы и долины, леса и степи, озёра и бурные реки: всё это Алтай. Республика Алтай или горный край, как его ещё называют — поистине удивительное место. Никогда не знаешь, чем сегодня смогут удивить эти горы, леса, равнины и озёра. Алтайский регион — сложное территориальное образование, вобравшее в себя западные районы Алтае-Саянских гор и южные районы Западно-Сибирской равнины. Горный Алтай — это удивительный и очень красивый край, о котором сказано и написано множество восторженных слов. Из-за поразительного сходства со Швейцарскими Альпами его называют Сибирской Швейцарией. А ещё часто сравнивают с Тибетом.

Согласно многим легендам, где-то здесь есть вход в мистическую Шамбалу — страну прикосновения к Тайне, познания истины и просветления.

Алтай — это страна контрастов. Здесь множество уникальных и совершенно не-

похожих друг на друга природно-климатических комплексов. Тут находятся самая высокая вершина Сибири — гора Белуха (4506 м) и первая по глубине пещера России — Экологическая (345 м), а также третья в России по глубине озеро Телецкое.

2.1. Традиционное представление алтайцев о здоровье человека

В мифологической традиции человек, сотворённый в изначальные времена, был сделан из природных материалов. Алтайский миф так рассказывает идею появления человека: кроме Эрлика и Мангдышире Ульгень сотворил множество других слуг себе посёлённых в других мирах. В нашем мире, на нашей планете, сотворил вдруг 7 человек мужского пола и столько же деревьев. Кости человека сделаны из камыша, а тело из глины. Устроив остов человека, Ульгень дунул в уши и в нос, и тогда человек стал живым и разумным, когда он дунул в уши. Тогда душа вошла, когда дунул в нос — ум вошёл.

По мнению А.М. Сагалаева, который реконструировал на основе этнографических, фольклорных и археологических картину мира урало-алтайских народов, трактовка «жизни» отличается двойственностью. Жизнь как процесс, движение во времени и пространстве, а жизнь человека — как движение, имеющее протяжённость. Но это не есть движение равномерное, по прямой линии. Жизнь осознаётся как последовательная смена человеком очевидного ряда социальных ролей: младенец, ребёнок, юноша, взрослый, старик. Первая и последняя позиции сближаются как наиболее близкие к «входу» и «выходу». Мировоззрение стремится «замкнуть» круг земного бытия, а ребёнок и старик оказываются пугающе близко. Их разделяет только смерть.

В этом, по мнению А.М. Сагаева, состоит отправная линия традиционной концепции так называемой «души», покидающей человека и возвращающейся к нему. Понятие о жизни как процессе и одновременно качестве, считает А.М. Сагалаев, не противоречат друг другу: они являются попытками общественного сознания обнаружить причины преобразования количество в качество, осмыслить разную качественную наполняемость человеческой жизни и соотнести её с природными процессами. В итоге архаичное мировоззрение рисует человека как сложную композицию признаков — душ, сочетающихся как биологических, так и социальных характеристики.

С любым изменением в состоянии человека — от физического до социального — меняется композиция душ. Так маркируются сон, болезнь, старость, рождение.

В литературе о верованиях народов Сибири, в т.ч. и алтайцев, имеется много сведений о существовании у них представлений о так называемой «душе». Вслед за В.П. Дьяконовой Н.А. Алексеёв отметил, что взятый из высших религий этот термин весьма неудачен и способен лишь дезориентировать при характеристике сущности таких представлений у шаманистов. Конечно, с этим можно согласиться, но следует иметь в виду, что термин «душа», несмотря на различия в понимании его сущности применительно к различным народам и эпохам, содержит в себе некую определённую, которая в достаточной степени осознаётся исследователями. Поэтому с учётом специфики его применения термин «душа» может считаться приемлемым.

Основываясь на материалах В.И. Вербицкого, исследователи отмечают, что у алтайцев существовало понятие «кут», как некая таинственная сила, благодаря которой живут и растут не только люди, но и растения, и животные. Н.А. Алексеёв приводит объяснение кут алтайцев Коной Маддевой: «вот ты видишь цветы, деревья, когда-то они были совсем маленькие, а семечко, из которого они выросли, было когда-то такое маленькое, что стало оно расти и расти; силу же в теле такая была положена, что стало оно расти и расти; силу эту в семечко положили «юктар», семечко мы видим, а силу эту нет»

А.В. Анохин, изучая религиозные воззрения телеутов, отметил, что по их представлениям душа человеческая имеет семь свойств, которые проявляются в различные периоды жизни: до рождения, при земном существовании и в период посмертного существования. Кут понимается двояко, как зародыш, от которого начинается бытие человека и как сила, поддерживающая бытие. Кут, по верованиям алтайцев, могли дать человеку различные духи. Чадородие объяснялось присутствием кут. Им очень дорожили, сравнивая золотом и серебром. Кут, давший начало бытию человека, остаётся жить с ним и расти. В этом случае он приобретает смысл особой силы, поддерживающей бытие. Жула — это тот же кут, но вышедший из человека, блуждающий, но не попавший обратно. Тын — духовное свойство присущее человеку, зверям, птицам. Тын, по свидетельству

А.В.Анохина, это душа, которая после смерти человека за плохие дела подвергается мучениям, или способность дышать, или сама жизнь. В момент смерти тын выходит из человека. Помимо кут существовало вера в сюр — образ или в облик, присущий людям и животным. Отделение сюр от человека проводило к продолжительной болезни или смерти. Узут — ещё одно свойство душ — и посмертное существование. Суне — душа человека в момент смерти, вышедшая и оставшаяся до похорон.

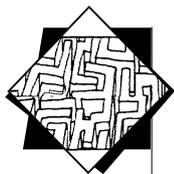
По алтайским верованиям рождение и здоровье зависели от благосклонности духов — покровителей рода и племени.

Принимая человека как целое, традиционная культура тюрков Сибири осмысливала значение отдельных частей тела. В целостной структуре, обозначавшей себя как «я», телесно-психологические, социальные, моральные свойства были неразрывно связаны друг с другом и выражались одно через другое. Ущербность духовная мыслилась изъяном физическим. О взаимосвязи анатомии и физических характеристик говорит и алтайская лексика.

В традиционном сознании все проявления жизнедеятельности человека считались равноценными жизни. Вместилище «души» были глаза, волосы, кровь. Она находилась в пальцах рук и костях. Среди совокупности элементов, составляющих жизненную силу, особое место отводилось костяку.

Не сформировавшийся, неокрепший костяк ребёнка был предметом особых забот алтайцев-родителей. Магическим средством укрепления костяка служила связка бараньих бабок, которую вместе с пуповиной ребёнка привязывали к его колыбели. И в старости ненадёжность костяка тоже проблема.

Большое значение традиционное сознание придавало костям пальцев рук. Согласно фольклорной традиции с их силой и крепостью соотнесена продолжительность жизни. В алтайском эпосе палец часто вступает как квинтэссенция жизни. В сказаниях большие пальцы богатыря заключают в себе его жизнь или «душу». Лишь отчленив их, враги добиваются его окончательной смерти. Шаманская традиция алтайцев фактически превращает большой палец в объект, тождественный человек в целом. Известна легенда о шамане, которого враги убивали трижды, но он оживал. Когда же его расчленили, то увидели у него второе сердце в большом пальце, там, где образуются кожные завитки.

Такое отношение к костяку и рукам объясняется и современной медицинской наукой. Целые лечебные системы строятся через «выправление костяка». Сегодня это не что иное, как возвращение в русло народной медицинской традиции. Таким образом, традиционное сознание вполне резонно воспринимало костяк основой телесной целостности человека. При этом, пытаясь осмыслить физиологию, механизм развития и роста, оно выходило за рамки сугубо рациональных знаний. Часто происходила абсолютизация какого-либо органа, наделение его максимумом свойств и качеств. Такой орган получал статус центра. Обычно одним из этих из таких центров считалась печень. Печень воспринималась как центр организма благодаря ряду своих естественных качеств. Печень, как и сердце, является непарным органом среди внутренностей, имеющих жизненно важное значение. Уже это обстоятельство определяет её статус. К тому же хорошо знакомые с практической анатомией тюркские народы не могли не заметить и особой уязвимостью печени. Не осталась без внимания её кровотворная функция и расположение в теле: принадлежность к анатомическому низу, связанном в традиционном мировоззрении с плодородием и воспроизводством. В алтайских сказаниях фигурирует нерасчлененное понятие «живот-печень». Герой одного из них — Алтай-Буучай восклицает: «так-то я напился горького яда — внутренность моя и печень горят от горького яда».

Сказание позволяет определить, что в алтайской культуре функции многих органов, например печени, определялись достаточно чётко. Но человеческие органы определялись и не свойственными им качествами (родящая печень).

2.2. Обряды плодородия и рождения

В традиционном обществе внимание всегда было приковано к тайне плодородия и рождения. Воспроизводство жизни на всех его уровнях — основная тема ежегодных праздников и шаманских камланий. Так, у кумандинцев существовало осеннее празднество Коча-Кана, олицетворяющего собой символ плодородия. Последнего сопровождали 3–4 мужчин и толпа детей. Игравший роль Коча-Кана пел перед окнами каждого дома песни эротического содержания, а его спутники собирали пожертвования от жителей села, состоящие из хлеба, табака и т.д. на мужчине, игравший роль Коча-Кана, была надета

раскрашенная маска из бересты и острокопечная шапка. В руках он держал деревянный фаллос и посох. Вечером все участники этого обряда пили чай с продуктами, собранными Коча-Каном и его спутниками, курили табак. После чего устраивались своеобразные игры с пением обрядовой песни тамыр-томыр, и распивали оставшуюся от кропления позо, а часть его перегоняли на самогон. Празднество продолжалось в течении 2–3 дней. По мнению исследователя, этот обряд символизировал передачу мужчинам мужской силы самого духа Коча-Кана. Действия, производимые во время обряд, в частности, коллективное пение — некий символ брака, эротическое просвещение через ролевые игры.

Анализируя подобные обряды, исследователи отмечали, что во всех случаях источник жизни традиционным сознанием помещается вне общества, и осуществление чуда нового рождения становилось возможным лишь в результате апелляции к природным силам. Вопросы взаимоотношения полов трактуются весьма откровенно и не составляют секрета ни для кого, приобретая некую социальную значимость. Не сводимые к сугубо плоским, телесным, они формируют эротическую социуму.

Испрашивание здоровья и плодородия сопровождалось множеством обрядов, и сами роды, рождение были сопряжены с большим количеством традиций и ритуалов.

Родильные обряды должны были, согласно традиционным преданиям, содействовать здоровью ребёнка и его матери, благополучию новорождённого в предстоящей жизни. Можно выделить следующие узловые моменты в этих обрядах: обращение с пуповиной, последом, вещами, которыми роженица пользовалась при родах, наречением, родины, обязательные подарки новорождённому и отрезание первых волос. В этих обрядах отражались общие мировоззренческие элементы, представления о жизненном цикле человека, его половозрастной специфике.

Наиболее подробно родильные обряды, связанные со здоровьем, исследованы Л.Э. Каруновской, Е.М. Тошчаковой, В.П.Дьяконовой, Н.И. Шатиновой.

По описанию, Е.М. Тошчаковой роды в любое время года проходили в юрте. Роженица, одетая в шубу, шапку, обутая в меховые кисы, стоя на коленях, держалась за специальный аркан или получала по три удара от созванных её родственниками людей, которые произносили: «утур-

барзын» — скорее выходи. Роженица вздрагивала от криков и оружейных выстрелов, которые по мнению окружающих, должны были ускорить рождение. В.П. Дьяконова отмечает, что теленгитка (этнотерриториальная группа южных алтайцев) рожала в том жилище, где жила семья.

Муж и дети удалялись во время родов. Роды проходили у постели на специальной подстилке, сделанной из шкуры овцы без какой-либо обработки, либо использовался кусок войлока. Роженица становилась на корточки, опираясь руками на ящик. Одежда не снималась, рожали в том, что носилась повседневно, затем всё очищалось можжевельником путём окуривания.

Продление рода было осознанным долгом каждого члена сообщества. Наличие детей в семье считалось обязательным условием счастья. В метких народных выражениях и благопожеланиях отразилось представление о счастье, о детях. Народ образно называл богатым того человека, у которого много детей.

Поэтому бездетность и малодетность тяжело переживалось. Так, среди теленгитов существовало твёрдое убеждение, что бездетные супруги в мире предков не встречаются. Поэтому бездетность расценивалось по морально-этическим нормам весьма отрицательно, плохо воздействовало на психологический климат, взаимоотношения между супругами.

Рождение ребёнка было общим событием: кижиге кижиге кожулган — «к человеку человек прибавился». Актом приобщения новорождённого к семье, к обществу следует считать родину. После отпадения пуповины и выздоровления роженицы в честь того, что прибавился новый человек, устраивал торжества, называемые в Кош-Арачском районе баланын тойы — праздник в честь ребёнка, ийт-мун — собачья похлебка, балалу болгоннын байрамы — праздник в честь ребёнка.

Алтайцы Усть-Канского района данный обычай называют койу кого — густая похлебка. Время, проведённая койу кочо разное: после отпадения пуповины у ребёнка, когда окрепнет роженица, через пять — семь дней или одну — две недели после родов, а иной раз через один — два месяца, когда у ребёнка окрепнет шея.

В Улаганском районе, как только заканчивались роды, пожилой мужчина закалывал специально откормленную овцу (этот обычай сохранён поныне). От овцы сохраняли шейные позвонки, которые называли на палочку и хранили в доме

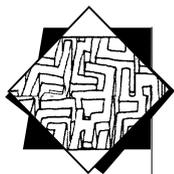
между ветвями дерева. Это должно было, по представлению алтайцев, обеспечить быстройшее укрепление шеи у ребёнка. Главное блюдо на родинах, которое специально готовилось для роженицы, называлось ийт-мун — «собачий бульон» — бульон с бараниной. Его готовила старая женщина. Сначала из чашки с ийт-муном немного отливали собаке, потом подавали роженице. Если роды проходили легко, то женщина могла поделиться с девушками ийт-муном, что бы в будущем и их роды были такими же лёгкими. Если роды были тяжёлыми, роженица никого не угощала ийт-муном. Гостей угощали кочо. Другие племена алтайцев, кроме теленгитов, на родинах особого блюда для роженицы не готовили. Обычно ребёнка называли сразу после рождения, но нередко давали имя ребёнку именно на родинах.

В родильных обрядах главное место занимала вера в Май-эне — доброго духа — покровительницу детей. Телеуты представляли её в виде красивой молодой женщины с волнистыми серебряными волосами.

Ей совершали кропления во время сватовства и после сговора в телеутском свадебном обряде. Как пишет Л.Э. Каруновская: «перед тем, как положить ребёнка в зыбку, старшая в семье женщина окуривает её вереском и вешает над зыбкой мальчика на нитке, называемой «золотой», маленький деревянный лучок с деревянной стрелкой. К стрелке прикрепляется белая тряпочка, называемая «Май-енэ». Телеуты почитали Кор-эне — покровительницу детей заболевших корью. Если ребёнок заболел корью — это считалось благом для семьи, та как в их доме поселялась Кор эне, Корь-мать, которая спасает ребёнка от болезни. В течении болезни строго соблюдали запреты, которые должны были умиловить Кор-эне, а за это она сохраняла жизнь ребёнку.

Душа ребёнка, по представлению алтайцев, была связана с его отпавшей пуповиной и последом. У телеутов, когда наступает время женщине родить, она спешит к матери за своей пуповиной; последняя, зашитая в холщовый мешочек, хранится у матери в сундуке.

Н.И. Шатинова, основываясь на сведениях информаторов из Шебалинского района, отмечала, что при зашивании пуповины кусочек кожи вместе с нею клали бисеринки, чай, пуговицу и обязательно раковину каури, которая была своеобразным оберегом для ребёнка. Круглая пуповина —

топчи, по народным представлениям, символизировало долголетие ребёнка. Наличие топчи, якобы, означало пожелание: « пусть живёт так долго, как я, да сбудется моё благопожелание».

После отпадения пуповины роженица мылась, а её постель и подушка относились на гору и заваливались камнями. Подобный момент в обрядах, связанных с рождением ребёнка у тувинцев, юго-востока Тувы, описал Л.П. Потаповым. Приёмная мать, новорождённого, через несколько дней после родов, уносила в лес и прятала в листве молодых деревьев шкуру, на которой женщина рожала. Предварительно завернув в неё послед, а также ту шкуру, на которой впервые обмывали младенца.

Маленькие ножницы, которыми отрезалась пуповина, после её отпадения, очищали дымом можжевельника и клады в сундук. Ими не разрешалось пользоваться. Время, когда совершались очистительные обряды с вещами, причастные к родам, зависело от состояния здоровья ребёнка и матери: через три-восемь дней после родов.

С последом поступали по-разному. Из этнографической литературы известно, что у теленгитов он несколько дней хранился в сосуде под кроватью. Затем его обязательно захоранивали. В ряде случаев его укладывали в специальный мешочек из войлока, добавив несколько веточек можжевельника, маленькие кусочки от каждой части туши заколотой овцы, немного золота, серебра. На месте, где рожала женщина, выкапывали яму и в неё захоронивали спустя 3 дня мешочек с последом. По данным Л.Э. Каруновской, плаценту родившая мать собственноручно закапывает у себя под очагом, поглубже, так как на плаценту могут покушаться супруги, у которых не выживают дети. Такие злосчастные супруги приглашают кама и просят его обратиться во время камлания, к духам с мольбой об изъятии из-под очага последов умерших людей и изгнать их в океан. От плодovitых родителей, у которых дети выживают, духи могли взять невидимо из под очага последы и водворить их под очаг просителей.

Как видим, действия с пуповиной, последом, скорейшее наречение имени должны были оградить ребёнка от нежелательных явлений, содействовать его здоровью и счастью в предстоящей жизни. У алтайцев считалось, что после рождения ребёнка его повсюду начинает дух-хранитель Баяна, который заботится о нём и его здоровье.

Интересны приведённые В.П. Дьяконовой сведения о действиях алтайцев во время заболеваний роженицы. Так, при груднице грудь массируется когтем медведя, лапой птицы улар или же гребнем для расчёсывания волос. Обычно эту болезнь лечили специалисты — томчи. Томчи или эмчи массировали ступни ног. Таким образом, переплетались мифы о животных, помогающих человеку, рациональные способы воздействия на организм человека. Массаж ступней ног напоминает точечный массаж, распространённый в Азии.

Женщине после родов запрещалось есть грубую твердую пищу. Соседи и родственники, желая поддержать здоровье матери и ребёнка, приносили в большинстве случаев молочные продукты. Родственники и соседи приносили пелёнки и ткани, шкурки ягнят и козлят. Ножки ребёнка завязывали в тааки — козий пух или козью шерсть. Для содержания в чистоте пух и шерсть мыли в сыворотке, полоскали в воде, сушили у огня. Вместо пелёнки под ребёнка также подстилали чолбок олон — загад, сушеную мелкую осоку особого вида, или кылбыш олон — листья баданы.

Новорождённому мальчику дарили плеть, нож, пули, ружье, узду, седло, деньги. Девочке — серёжки, кольца, ракушки каури, пуговицы, бисер, посуду. Подарки ребёнку сопровождали благопожеланиями, а в подарок закладывали особый смысл, в чём нашла отражение народная символика. Ложку дарили, чтобы аппетит у ребёнка всегда был хороший, чтобы любил поесть, чтобы в доме была еда, пулю, — чтобы мальчик был метким охотником. Теленгиты-алтайцы твёрдо верили, что жизнь ребёнка зависит, в частности, от того дерева, из которого колыбель была сделана.

Согласно верованиям этих народов, в дереве присутствует дух дерева агаштын эзи. Если агаштын эзи хорошо умиловать, то он будет и сам милостив, поэтому ребёнку в такой колыбели будет хорошо. Но если дух будет недоволен жертвой, тогда он сможет принести ребёнку болезнь или даже смерть.

У дерева, используемого в этих целях, концентрические кольца должны располагать по солнечному кругу, т.е. по часовой стрелке, но ни в коем случае в обратном направлении. Иначе такое дерево неминуемо принесёт вред. Телеуты, срубили черёмуховый прут для колыбели только в новолуние, они верили, что в черёмухе в такое время не могли находиться злые духи.

У теленгитов — алтайцев колыбель готовили так: на дно клали сухой помет, конечной волос или шерсть, а сверху пелёнку из выделанной мерлушки. Если это происходило в тёплое время года, то ребёнка мыла кин эне (женщина, принимавшая роды) тёплой солёной водой с чаем. После тело ребёнка она смазывала смесью масла со сметаной и завертывала в тряпицу. Затем колыбель окуривали дымом горящего можжевельника.

Анализ обрядов и традиций, связанных с родами, позволяет сделать вывод о том, что сложившиеся веками установки носили как магический, так и рациональный характер. Положение женщины при родах, окуривание можжевельником, сохранения плаценты от пуповины, диета роженицы, гигиена ребёнка и т.п. во многом соответствует сегодняшним правилам нетрадиционной медицины. В рамках своей культурной традиции алтайский народ делал всё максимально возможное. Хотя европейцев, живущих в другом цивилизационном измерении, многие традиции и правила шокировали.

Таким образом, обряды, конкретные действия, связанные с рождением ребёнка, иногда даже бессмысленные по современным понятиям, способствовали сохранению и устойчивости алтайского этноса.

Одним из жизненно важных процессов после рождения является дыхание, соотносимое с горлом и носом. Нарушение дыхания было явным признаком неблагополучия. Алтайцы говорили о смерти так: «дыхания его прервалось» или «его душа (дыхание) вышла». Совершенно справедливо полагали, что жизненная сила покидала человека вместе с последним вздохом, движением. На довольно точное знание жизнедеятельности организма опиралось представление о взаимоотношении функций дыхания и кровообращения. При этом в качестве наиболее важных органов выделялись сердце и лёгкие, дающие начало новой жизни, поддерживающие жизненный ритм.

2.3. Понятия смерти у алтайцев

Немаловажное влияние на отношение к здоровью оказывали понятия о смерти. По данным А.В. Анохина, алтайцы считали, что смерть — это переселение в иной мир, в котором они будут жизнь со своими родственниками.

Обобщающие материалы А.В. Анохина, Н.А. Алексеёв отмечают, что у южных алтайцев существовала вера в Сюне — дух

человека, который выходил из тела в момент смерти. Этот дух, по мнению телеутов, обладал способностью слышать и понимать всё, что творится вокруг покойника, и остановился в мире живых до погребения умершего. Помимо Сюне телеуты верили в Юзют — дух, в который превращается умерший. Он, якобы, 40 дней жив на кладбище. Он мог входить в дом и захватывать с собой дух какогонибудь родственника. Это приносило смерть или болезнь. Боязнь таких посещений заставляло телеутов отпугивать духов лязгом железа, плетью или ножом.

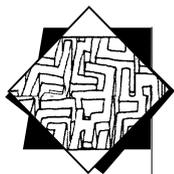
Так понятие о человеке, жизни, душе, рождении и смерти составляли основу, на которой веками формировались народные представления о лечении болезней.

2.4. Анализ понятий алтайцев о мире

Анализируя понятия алтайцев о мире, практически невозможно выделить какие — либо специфические понятия, связанные только со здоровьем, с медициной. Это ещё раз подтверждает, что все здоровьесберегающие приёмы, средства и традиции являлись неотъемлемой частью культуры народа, считавшего себя единым с миром, природой. Вся система веры, культуры складывалась с учётом здоровья, сохранения и воспроизводства этноса в целом.

Приёмы народной медицины алтайцы сохранили до наших дней. Древние традиции должны были обеспечить и во многом обеспечивали сносное существование в условиях Сибири. Не случайно, не смотря на суровость климата, алтайцы представляли перед путешественниками как сильные и выносливые люди. Вот зарисовка Н. Кострова, относящаяся к XIX веку: «господствующий тип алтайских инородцев — средний рост, лицо плоское, лоб небольшой, скулы выдаются, волосы и брови как смола чёрные, жёсткие как конская грива, глаза ушли под лоб, нос без переносицы и от того расстояния между глаз кажется значительным... Северные алтайцы телосложение крепкого, роста среднего, лицом смуглые, с чёрными глазами, белые зубы...»

Ещё больше здоровья требовала жизнь от алтайской женщины. Так, Н. Костров писал, что «что на женщине лежат решительно все домашние работы. Она шьёт обувь, одежду, высиживает араку, приготовляет дрова, неся на спине навалившуюся от ветра лесину, оседает и навьючивает коней и т.п. Кроме того, копает землю для

посева ячменя, полёт свою пашню, заготавливает на зиму кандык, носит сено и приготавливает на халаты мужа двойную ткань.

Через столетия память народов пронесла знания о свойствах трав, минералов, целебных источников, методы оказания помощи при болезнях в экстремальных условиях, навыки гигиены. Эти взгляды и практический опыт закрепились в виде традиционных норм и правил, которыми руководилось во всех сферах повседневной жизни, будь то сооружение жилища, приготовление и приём пищи, пошив одежды, или создание семьи, часть народных гигиенических норм рациональна. Это свидетельствует о наблюдательности и тонком понимании окружающей природы, умении приспособливаться к ней, а не покорять или противостоять ей.

Подтверждение этому имеется у И.Н. Ядицева. Он отмечал, что алтайцы обоготворяли природу. У каждой долины, реки, горы был свой дух — Ээзи. Ему поклонялись на высочайших горах.

3. Якутско-алтайские этнокультурные параллели

3.1. Мнения исследователей о происхождении народа саха

А.И. Гоголев специально занимался проблемой происхождения народа саха и формирования его культуры. Он обобщил литературные данные по этой проблеме. Исследователи уже в XVIII–XIX вв. (Ф. Страленберг, Г. Миллер, Э.И. Линденау, Н.Ф. Остолопов, В.Л. Серошевский, Н.А. Аристов, Э.К. Пекарский, В.И. Иохельсон и др.) сходились на том, что на Среднюю Лену якуты переселились с юга, но они расходились в выяснении их первоначальной прародины. Были выдвинуты различные предположения о центральноазиатском, прибалтийском и минусинском происхождениях якутов.

Впервые профессионально и целенаправленно занимался проблемой происхождения якутов Г.В. Ксенофонтов. По его мнению, изложенному в 1937 г., древняя история якутов и их переселения делится на три периода. Первый период — появление в конце I века н.э. на Вилюе оленеводческого народа — уранхайцев, образовавшегося из потомков отуреченных хуннами тунгусских племён с примесью монголов. В дальнейшем они оказались на севере Якутии. Второй период — переселение в VII–VIII вв. из Приангарья через Нюю,

Олекму и Сунтар на Вилюй скотоводов — курыкан, они широко расселились по Вилюю, оттеснили уранхайцев на Север и Среднюю Лену. Третий период — переселение в VIII в. из Прибайкалья на Лену народа саха уйгурского происхождения со своими тегинами. Это были предки якутов центральной Якутии. От смещения указанных трёх групп пришельцев образовался современный якутский народ.

С.А. Токарев, как и Г.В. Ксенофонтов, поддерживал идею о том, что якуты как народность сложились на Средней Лене на базе смещения и взаимодействия различных этнических элементов, но при преобладании автохтонного (коренного) начала.

А.П. Окладников считал, что формирование народа саха последовательно происходило сначала в Прибайкалье (курыканская эпоха), затем в верховьях Лены (лесные предки якутов) и оттуда на Среднюю Лену якутское переселение происходило где-то в первой половине XVI в. или даже в конце XV в. Речь идёт об основной части якутов, которая считает себя потомками Элляя. Эта концепция стала общепризнанной, хотя слишком поздняя дата переселения основного состава якутов на Среднюю Лену не раз подвергалась сомнению исследователей.

В 1960–70 гг. И.В. Константинов в процессе формирования якутского народа выделил четыре этапа: докурыканский (гуннский) — с конца I тыс. до н.э. и до VI в. н.э.; курыканский — VI–X вв.; монгольский — XI–XIII вв.; якутский — XV–XVI вв. В соответствии с этими этапами происходило формирование антропологического типа якутов. Переселение якутов на Среднюю Лену датируется И.В. Константиновым примерно XV в. и рассматривается им как одноактовое явление, т.е. как переселение довольно компактной этнической волны, представляющей вполне сложившуюся этническую общность.

И.Е. Зыков также делит этническую историю якутов на четыре этапа: первый — таштыкский (I в. до н.э. — V в. н.э.), протекавший на Минусинской котловине. От этой этнической первоосновы в V в. откололась основа прибайкальских курыкан — тюркоязычное ядро будущих якутов. Второй этап — курыканский (VI–X вв.) и третий — древнеякутский (XI–XII вв.) этногенеза якутов происходили сначала в Прибайкалье, затем в верховьях Лены и завершились оформлением древних

якутов. Четвёртый заключительный этап протекал в XIII–XIV вв. и представлял время консолидации якутской народности на Средней Лене, в которой принимали участие местные племена. В XV–XVI вв. завершилось формирование современной якутской народности.

По поводу приведённых теорий И.К. Константинова и И.Р. Зыкова о происхождении народа саха, А.И. Гоголев пишет: «Эти две концепции взаимно дополняют друг друга и содержат много позитивных предложений, но фактически не подтверждённых достаточной источниковой базой». И если внимательно вдуматься в смысл такой оценки, то эти, казалось бы, вполне научные версии о происхождении якутского народа низводит до степени выдуманных. Так специалист подтверждает обоснованность наших сомнений в истинности подобных научных теорий.

А какую же теорию этногенеза якутов предлагает сам А.И. Гоголев? Он отодвигает на немислимую историческую глубину и значительно расширяет территориальные границы начала этногенеза якутов. По его мнению, формирование якутов «начинается с эпохи ранних кочевников, когда на Западе Центральной Азии и в Южной Сибири развивались культуры скифо-сибирского типа, связанные своим происхождением с иранскими племенами. Отдельные предпосылки этой трансформации на территории Южной Сибири уходят в глубь II тысячелетия до н.э. Наиболее отчётливо истоки этногенеза якутов и других тюркоязычных народов Саяно-Алтая прослеживаются в пазырыкской культуре Горного Алтая. Её носители были близки к сакам Средней Азии и Казахстана. Ираноязычность пазырыкцев подтверждается также данными топонимики Алтая и прилегающих к нему районов Южной Сибири».

Алтайцы по происхождению, по языку и культуре делятся на две группы: на северных — тубалары, челканцы, кумандинцы и на южных — собственно алтайцы (алтай-кижи), теленгиты, телесы и телеуты. К северным алтайцам примыкают шорцы. Ближайшими историческими предками южных алтайцев были капчакские племена, жившие здесь в основном до XI в. и позднее, оказавшиеся здесь также в результате распада улуса Джучи. На протяжении указанного времени они смешивались с потомками древних теле-огузских племён и западномонгольскими племенами, ойратами.

К проблеме якутско-алтайских этнокультурных контактов обратились в конце 1970-х годов Л.П. Потапов и А.И. Гоголев. В дальнейшем в сравнительное изучение верований и шаманства у якутов и народов Саяно-Алтая большой вклад внесли известные работы Н.А.Алексеева. Отмечается родство якутского языка с алтайскими языками. Об этом говорит большой слой общей лексики, отсутствующий в других тюркских языках.

3.2. Сравнение предметов быта

Л.П. Потапов, используя материалы «Историко-этнографического атласа Сибири», отметил конструктивную близость якутской берестяной урасы (могол ураса) к решётчатой цилиндрической юрте южных алтайцев. А якутская деревянная юрта и многоугольный сруб конструктивно и топологически сближаются с таковыми у северных (тубаларов, шорцев).

Северо-алтайская печь — чувал по типу близка якутскому камину — комулуоку с трубой из жердей, обмазанных глиной.

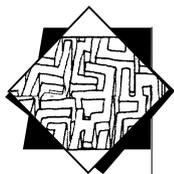
Кумандинцы и челканцы для освещения жилища на крыше прорубали отверстие, которое в зимнее время покрывалось льдом. Оно превратилось у якутов в настенное окно, туннук, куда в зимнее время вставляли льдину. Аналогичным образом строились шорско-якутские срубные амбары на четырёх фигурных коротких столбах для хранения зерна и мясных припасов.

Якутская верхняя зимняя одежда близка к женской одежде Алтай-кижи и теленгитов. А южно — алтайский чегедек, длиннополая безрукавка замужних женщин, и якутский таналай сон, парадная верхняя одежда с короткими рукавами, имеют общее происхождения.

Эти народы пользовались одинаковым термином для обозначения шёлка: алтайское торко и якутское торко. Общей по фасону является южно-алтайская и якутская обувь на мягкой подошве без каблуков. Алтайцы как, впрочем, и хакасы для обертывания ног пользовались сушеной травой, ойон от, род осоки. Олон от, — разновидность сушеной травы — служил у якутов стелькой для обуви.

В литературе уже отмечалось полное сходство технологии изготовления глиняной посуды лепным способом у якутов и шорцев.

Пользовались волокушами (алт. шыр-ка, як. сыарша) и двумя кожаными сумками, которые перебрасывали через седло.

Якутские инструменты, технология изготовления кожаной и деревянной посуды, их форма, способы обработки кожи, получение замши из кожи диких животных (прежде всего лося) проявляют сходство с таковым у южных алтайцев, хотя последние пользовались иной терминологией для их обозначения.

Алтайцы и якуты размалывали зерно в муку и крупу на ручной каменной зернотерке и в деревянной ступе одинаковых форм.

Пользовались стульями на низких ножках. Деревянную высокую кадку южные алтайцы называли чапак. Якуты перенесли это слово для обозначения низкой широкой берестяной посуды — чабычах.

Исследователи отмечают у северных алтайцев (тубаларов, шорцев) обилие берестяной и деревянной утвари, как наследие от своих угросамодийских предков. Как и якуты, особенно много изготавливали бытовые предметы из березы и её корня.

3.3. Сходство терминологии

Из области якутской и южно-алтайской общей терминалогии, связанной с материальной культурой, нужно обратить внимание на следующие слова, имеющие древнетюркские основы: алт. Алачик (др. тюрк. аласа «шатер»), як. Алаба дьиз — удобное обширное, тёплое жильё, нарядная юрта; усадба; тунук — «дымовое отверстие», як. туннук — «окно»; калгы — «дверная створка двери», як. халбан — «дверь», «наружная дверь» от др., юрк. калга — «деревянная дверь юрты»; бакан «шест — опора для дымника» як. бабана — «столб»; алт. колта — «кисет», як. холтуун — «табакерка»; орын — «кровать»; сокы — «ступа»; аяк — «деревянная чаша», як. аях — «ритуальный кумысный сосуд».

Якуты и алтайцы собирали саранку. Общей пищей для них являются кумыс, кан (як. хаан) с добавлением молока, каша из муки и масла — саламат, бульон — юж. алт. мун, як. мин, варёный творог — у юж. Алт. эдьгей, сметану алтайцы называют оромо, в якутском языке урумэ (пенка).

В терминах родства наблюдаются следующие совпадения: шорск. сел, як. уол — «сын», алт. кыс, як. кыыс — «девочка», «дочь»; алт. ини и як. ини — «младший брат»; якутско-алтайское таай — «дядя со стороны матери»; алт.дьээн, як. сизэн — «внук», «племянник»; телеутск. обого, як. обугэ — «предок», «прадед»; алт. абага, як.абаба — «старший брат отца». Есть так-

же небольшое количество общих терминов по свойству: алт. бадья, як. бадья — «своjak»; як. биллэх, — так называют друг друга мужья сестёр, алт. болэ — «двоюродные братья и сёстры». Общим для них является сохранение обычая авункулата (видная роль дяди по линии матери).

Параллели существуют в области традиционных обрядов, связанных со свадьбой. Так, например, у якутов подарок отцу невесты назывался уос абар «раскрытие рта», у южных алтайцев и тувинцев приезд сватов назывался аналогичным термином оос ачар. Но таких совпадений мало.

Алтайцы называли варган темир-кобыс, а якуты — тимир хомус. Из других музыкальных инструментов у алтайцев отмечен двухструнный деревянный инструмент топшур. У якутов в старину существовал ударный инструмент под названием купсуур в трёх разновидностях.

3.4. Сравнительное сопоставление олонхо с алтайским героическим эпосом, обрядов, мифов, верований, шаманства

Сравнительное сопоставление олонхо с алтайским героическим эпосом выявило много общего: общность сюжетов, сходство терминов (например, приставка куо к именам положительных героинь). Во многих алтайских и якутских эпосах, как правило, масть коня, имя богатыря начинаются с одной определённой буквы. При этом совпадают не только образы многих эпических персонажей, но даже имена (Хара — хан, кэп палык * кэб балык). Аналогичен возглас эпических героев — «О татай» — и пренебрежительное обращение к врагу (алт. кем, як. киэм). Общие наиболее распространённые сюжеты якутско-алтайского эпоса — это героическое сватовство невесты и борьба за неё, борьба богатырей с мифологическими чудовищами, поэтизация коня. Всё это связано с эпохой раннего кочевничества. Но вместе с тем в Алтае — якутском эпосе сохранились и более ранние сюжеты. Зачастую герой эпоса первоначально выступает в облике «невинно гонимого» звероподобного предка рода, страдающего божества — зверя, но, в последствии, превращающегося в человека. Герой олонхо «Строптивный Кулун Кулустуур» рос под тремя великими сопками Матери-земли. Подобный мотив имеется и в алтайском эпосе «Маадай Кара», где Когюдей Мэргэн воспитывается под великими сопками, питаясь соками Матери-земли.

Древний жанр якутско-алтайской обрядовой поэзии называется алкыш (як. алгыс). Семейно-бытовые алкыши якутов и алтайцев имели тесную связь с обрядами, сопутствующими рождению ребёнка, встрече и проводам гостей, свадебным обрядам, почитанию домашнего очага. Обращаясь к духам они пользовались одинаковыми оборотами, например, якутско-телеутское клише звучит следующим образом: «Подмышку раскрой — долю возьми». К тому же жанру относятся проклятья — алт. каргыш и як. кырыс. Близки и некоторые сюжеты сказок, правда, общих и со сказками у других тюркских народов. Аналогичны также якутско-алтайские мифы о создании земли и людей. В мифологии этих народов конный скот считался принадлежностью верхнего мира, а рогатый скот — обитателей нижнего мира. У них существовало одинаковое представление о том, что «края неба и земли» стучатся друг об друга.

Л.П. Потапов обратил внимание на общие якутско-алтайские основы в области верований и шаманства. В частности, он отметил общее происхождение названий бубна и его рукоятки (алт. тюнгур и як. тюнгюр, пар, парс и як. баарыс) и общий взгляд на бубен как ездовое животное. При этом телеуты называли бубен иносказательно ак-чагал, а якуты и уйгуры словом чагал обозначали священную пегую масть коня.

Якутский шаманский костюм Л.П. Потапов считает близким к алтае-саянскому шаманскому плащу. У них костюм (плащ) символизировал птицу.

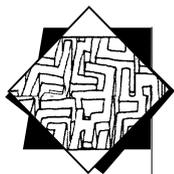
Общими для них являются название обрядовой верёвки салама (алт. дьалама), духов-покровителей шаманов, эмэгэт (алт. эмегет). У северных алтайцев, шорцев и якутов фигурирует единый образ вселяемого в шамана духа, хромого заики. Посвящаемые божествам кони у якутов назывались ытык, у алтайцев — ыйык.

По мифологическим представлениям якутов и алтайцев, боги живут отдельно друг от друга на том или ином «слое» неба. Эти древние представления особенно сохранились у якутов: «По ту сторону неба есть не имеющее тени яркое белое небо. Там страна, где нет зимы, растёт белая трава, подобная крыльям белого лебедя... Здесь живёт Юрюн Айыы тойон и хотун... На юго-восточной стороне есть, говорят, светло-жёлтое небо, имеющее восемь подпорок. На нём растут жёлтые травы и деревья... От них звучно капает жир и масло.

Будто бы там проживают Юрюн, Аар тойон и Юрюн, Адыга хотун. На северо-восточной стороне от этого неба — оно белое с тремя подпорками с травами и деревьями, от которых звучно капает, подобно сливочному маслу, живительная влага сологой. Там проживает Дьосогой тойон. На северо-западе от этого неба есть, говорят, испещрённое узорами и письменами нависающее небо. Живёт Дьылга хаан тойон и Чыныс биис хотун».

Северные алтайцы и телеуты духов — родовых покровителей, обитавших на земле, называют Пайана. У якутов Байанай — божество охоты. Сходны с телеутами якутские представления о душе сюр. При этом отмечается особенная близость якутского понятия о салгын кут, с телеутским жел салкын «ветер душа» или «воздух душа». Телеуты считали, что кут ребёнка создаёт Ульген, а человеку его выручала Энэм Дьайучи, Мать Создательница, которая также выдаёт отделением от людей их сюр, в результате чего наступает смерть. Своё решение она якобы записывает в особую книгу. У якутов богиня Айыыт испрашивала душу ребёнка (ийэ кута) у Юрюн Аар тойона и внедряла её через темя мужчины. Сур, жизненную энергию (психический строй), человеку наделял божество Улуу тойон. А божество судьбу и рока Дьылга Хаан тойон имел огромную книгу, по которой излагал судьбы трёх миров и отдельных людей. После смерти человека его сур возвращался к Улуу тойону. Приведённое ясно говорит о том, что эти представления когда-то имели общее происхождение. Кроме того, у них одинаково звучит название повальных, эпидемических заболеваний — як. дьан и телеут. Жап. Эти народы пользовались одним и тем же обрядовым термином для обозначения выкупа — толуу. Из алтайских народов только у телеутов сохранилось название божества грома, града, дождя Татай. У якутов и других алтайцев татай сохранился только как возглас удивления, испуга. Те же телеуты «выгоняли» злого духа, засевшего в животе больного криком «Ай, Татай!», т.е. пугали его именем Громовержца.

До начала XIX в. у якутов практиковался коллективный обряд плодородия с выраженной сексуальной направленностью дьалын ылытытн туома, т.е. обряд вызывания половой страсти. Моление предназначалось богине земли о ниспослании женщинам дьалын, силы полового влечения. Для проведения обряда под ветвистым деревом вкапывали три столба

с выпуклой резьбой, обточенных сверху в виде кумысных кубков богини плодородия. Около них ставили берестяную урасу и всё это обносилось изгородью. Белого шамана сопровождали трижды 9 девушек и столько же юношей. Держа в руках берёзовые шести, они плясали вместе с шаманом, который спрашивал у Аан Алахчын хотун дьалын. Этот обряд подробно описан Г.В. Ксенофонтовым.

А.П. Окладников, основываясь на данных Л.П. Потапова, сопоставил этот обряд с эротическими ритуалами, зафиксированными у некоторых групп северных алтайцев — у кумандинцев, шорцев и телеутов Кузнецкого Алатау, у которых существовал культ фаллистического божества Кочоган. Кроме того, у телеутов имелась категория специалистов в области религиозной практики, называвшихся ырынчи. К нему близок якутский термин ырытааччы «толкователь». А толькочи «ворожей», действующий при помощи лучка, напоминает якутское обозначение — ворожея. У некоторых народов Алтая известно божество Пахтыган (Бакту-кан). С ним сопоставимо якутское Бах-танара. А алтайского Дьажил хана, сына Ульгена, посылающего дождь и поражающего духов молниями, Н.А. Алексеёв сравнивает с якутским божеством Дьаыл тойоном, вестником гнева небес.

Алтайцы, якуты, также как и тувинцы, считали вихрь формой перемещения злых духов и шаманов. Одинаковы у них формы заклинаний, завершающиеся возгласом «Уруй» или «Куруй». Можно сказать, что многие элементы ранних форм религии тюркских народов Южной Сибири и якутов фактически имели единую основу. Общим у этих народов была вера в божеств-творцов: як. айылар «творцы», алт. дьайуччы или дьайык, посредник Ульгена, хак. Сохранилось значение древнетюркского аруар «сакральная чистота». Ару тос «чистые духи» у алтайцев. В якутской мифологии Аар тойон был главой пантеона. Алтайцы Ульгена в молитвах называли Ак Ајас «белая светлость» или Ајас каан «светлый хан». Этот факт говорит об единой основе генезиса якутского божества Юрюн Айыы тойона «Белого Создателя» и алтайского Ульгена Ак Ајас каана «Ульгена Белого светлого хана».

На общем фоне саяно-алтайского шаманизма Н.А. Алексеёв и В.П. Дьяконова в якутско-алтайском шаманстве обнаружили ряд аналогичных черт. Следует также обратить внимание на то, что алтайские

шаманы, не совершающие призываний Эрлику (т.н. ак кам «белые шаманы»), не имели специального кафтана — манак а (як. саныйах «шуба»). По фольклорным данным, якутские белые шаманы (айыы ойуна) также не имели шаманского плаща, но одевались во всё белое.

На плечах кафтана алтайского чёрного шамана, совершающего призывания ко всем тесям — духам, наносились изображения, называемые «фигурами шуб дочерей Ульгена». Эти фигуры похожи на изображение якутского божества охоты Байаная (точнее его одежды) в виде многократных прямых линий, изгибающихся по линии плеча.

Но между тем в верованиях алтайцев и якутов имеются и существенное расхождение. В частности, они констатируются в степени проявления дуализма, который довольно чётко и последовательно фиксируется в религиозном мировоззрении якутов, чего нельзя сказать в отношении алтайцев. Так у последних до начала XX в. существовало нечёткое разделение духов и божеств на добрых и злых. В этом плане особенно нагляден образ Эрлика, несущего функции не только злого, но и доброго начала. Божества Дьайык и Суйла, хранители благополучия человека и посредники его с высшими добрыми существами, помогают всем шаманам (ак кам и кара кам) в их «путешествиях» вверх и вниз.

По сравнению с якутами алтайцы больше сохранили (особенно телеуты) религиозную систему древних тюрков. Небольшое, не принципиального характера расхождение существовало в шаманстве этих народов.

Культурная и отчасти этническая связь якутов с южными алтайцами хорошо проявляется по линии связей предков этих народов с древними тюрками и кыпчаками. При этом якутская культура особенно много параллелей проявляет с телеутской. Телеуты, наиболее чётко сохранившие черты древнетюркской религии, близки к качинцам, кызыльцам, чулымцам и шорцам. От собственно алтайцев (алтай-кижи) они отличаются наличием европеоидных черт, которым обязаны влиянию субстратных этногрупп, связанных с шорцами.

По лингвистической классификации южные алтайцы отнесены к северо-западной (кыпчакской) группе тюркских языков. В неё также входят из сибирских народов тобольские и барабинские татары, а за пределами Сибири — казахи и киргизы, башкиры.

Этническую основу предков южных алтайцев, по мнению Л.П. Потапова, составили древние племена теле и частично тугу, в дальнейшем испытавшие влияние кыргызов и кыпчаков. Следовательно, язык южных алтайцев имеет древнетюркскую основу, а современное языковое состояние было приобретено в процессе длительного общения его носителей с кыпчакскими племенами. Эти данные подтверждаются и антропологическим материалом. Так, южные алтайцы, как тувинцы, буряты и якуты, отнесены к наиболее монголоидным (центральноазиатскому и отчасти южносибирскому) типам. А северные алтайцы — больше к уральскому типу, хотя по данным дерматоглификиони (кроме челканцев) более монголоидны, чем южные.

В родоплеменном составе алтай-кижи встречаются роды танды, кобек, тумат и тогус, у телеутов — тумат, тубаларов — тогус, танды, роды или наследи с аналогичными названиями зафиксированы также у якутов. Соеки со и куман выявлены только у кумандинцев. Варианты этнонима со имеются у якутов и хакасов. Притом известно, что качинский род соки раньше располагался на Иртыше. Все эти роды имели общих предков куманов, входивших в объединение кыпчаков. Л.П. Потапов происхождение кумандинского соека со связывает с телеутами.

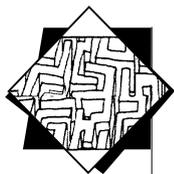
Связь алтайских племён с кыпчаками особенно усиливается со времени распада Белой Орды, с первой половины XV в. Этим временем определяется формирование казахов, киргизов, так называемых «кочевых узбеков» и барабинских татар в Сибири. Падение Сибирского ханства в 1591 г. вызвало некоторое перемещение местного скотоводческого населения. Часть «сибирских татар» из р-на рек Тобола, Иртыша откочевала на восток, достигнув Чулыма и Енисея. Так появились чулымские татары, кызыльцы, качинцы. Последние две этногруппы в дальнейшем вошли в состав хакасов. Это подтверждается также наличием среди кызыльцев рода аргын. Небольшая часть племени аргын зафиксирована в улусе Джучи, с распадом которого аргыны вошли в состав казахского жуса, а также приняли участие в становлении сибирских татар. В XVII в. аргынские роды входили в родовой состав чулымских тюрков и кызыльцев — хакасов. По всей вероятности, с этим процессом связано появление якутского эпонима Аргын.

Вывод

После трудного, но в то же время интересного исследования, сопоставив историко-культурные параллели алтайцев с якутами узнали у них наличие общих родственных основ. Так, с северными алтайцами и шорцами якуты обнаруживают некоторые параллели в формах жилищ, в технологии изготовления глиняных, деревянных и берестяных сосудов; в способах охоты облавой и при помощи сооружения больших деревянных загородей. Звериную тропу называли орок-орох. Добычу распределяли по равной доле (алт. тенг-улешь, як. тэннэ уллэстии). Известно, что в этногенезе северных алтайцев определённое воздействие оказали угорские и самодийские племена Западной Сибири. Поэтому у них не только одежда, но даже орнамент проявляют близкое родство с южнохантыйским орнаментом и составляют единый иртышко-алтайский тип орнамента. Но в целом северные алтайцы являются смешанными этническими группами, в этногенезе которых принимали участие древние тюркоязычные племена, связанные с теле (др. уйгуурами) и тугу (другими тюрками).

В якутско-алтайских этнокультурных связях можно выделить два основных слоя — древний и средневековый. Древний слой составляют общие языковые основы, религиозно-мифологические представления древнетюркского времени, предметы материальной культуры и основы хозяйства, истоки которых сформировались в эпоху раннего кочевничества. В области искусства — это пережитки «звериного стиля» и основные орнаментальные мотивы в прикладном искусстве (выбор материалов, характер построения орнамента, «звучная» полихромная расцветка, сочетание тонов), основы фольклорных традиций. Этот древний общий слой фактически проявляется в культуре всех тюркоязычных народов Сибири. К нему относятся, например, представления о плеядах, их видная роль в народном календаре, общие культивируемые виды деревьев-березы (вывешивание культовой верёвки, идея связи лиственницы с деятельностью шамана и представление её как «лестницы шамана» Культивирование можжевельника, обладающего сакральной чистотой и священностью и, в следствие чего, силой очищения от всего «нечистого».

К числу локальных якутско-алтайских культурных параллелей кроме вышеприведённых относится обычай водружения

коновязи у входа жилища (у алтайцев об этом говорится в эпосе «Маадай-Кара»), наличие счётных палочек с одинаковыми знаками, название некоторых месяцев (алт. пёсай, «кандычный месяц», май, як. бэс ыйа «месяц заготовки сосновой заболони», июнь, алт. от-ай «месяц выдёргивания сорной травы», июль, як. от ыйа «месяц травостоя», июль), приметы, связанные с первым весенним громом.

Позднесредневековой слой в якутско-алтайских связях связан в основном с кыпчакскими общими параллелями в культурах этих народов.

О южном происхождении якутов написано во многих трудах деятелей науки. Первыми этнографическими и историческими сведениями о якутах мы обязаны иностранцам, как Исбрандт Идеас, Филипп Страленберг, Герард Миллер, Илганн Фишер.

В тишине хранилищ архивов и библиотек неумолимо ветшают первоисточники. Мы, молодое поколение — будущее народа саха не хотим похоронить правду истории. Нам очень интересна история происхождения народа саха и хотим в дальнейшем более углублённо изучить её. После исследования мы ещё раз убедились в том, что народ саха древний и со старинной культурой. Мы гордимся нашей национальностью «саха», своеобразием, целостностью религиозного мировоззрения, материальной и духовной культурой. ■

Литература

1. Гоголев А.И. Якуты // Проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск., 1993.
2. Ксенофонтов Г.В. Ураанхай — сахалар // Очерки по древней истории якутов. Я., 1992.
3. Тырылгин М.А. Истоки феноменальной жизнеспособности народа саха // Я., 2000.
4. Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961. С. 2–15.
5. Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. С. 34; Софронеев П.С. О хозяйстве якутов в первой половине XVIII века // Докл. на XIV научной сессии. Язык, литература, история. Якутск, 1964. С. 152; Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов XVII века. Якутск, 1966. С. 99–151.
6. Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. Уч. пособие. М., 1979. С. 276.
7. Окладников А.П. История Якутской АССР. 1. С. 210.
8. Окладников А.П. Ленские древности. Вып. 3. М., Л., 1950. С. 178–185.
9. Окладников А.П. История ЯАССР. 1. С. 281, 292–293.
10. Серошевский В.Л. Якуты. С. 301.
11. Антонов Н.К. Указ. соч. С. 81.
12. Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки... С. 60.
13. Окладников А.П. История ЯАССР. 1. С. 285.
14. Носов М.М. Одежда и её украшения у якутов XVII–XVIII вв. С. 99.
15. Константинов И.В. Материальная культура якутов... С. 77.
16. Историко-этнографический атлас Сибири. С. 336.
17. Историко-этнографический атлас Сибири. С. 371–375.
18. Гоголев А.И. Историческая этнография якутов. Якутск, 1980. С. 87–106.
19. Материалы из школьного музея им. Братьев Сафроновых.
20. Екеёв Н.В. Алтайцы

Приложение № 1

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
РАБОТЫ
УЧАЩИХСЯ

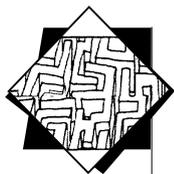
Экспонаты алтайских музеев

Приложение № 2

Сходство якутской берестяной урасы (могол ураса) к решётчатой цилиндрической юрте южных алтайцев. А якутская деревянная юрта и многоугольный сруб конструктивно и топологически сближаются с таковыми у северных (тубаларов, шорцев).

Приложение № 3

Северо-алтайская печь — чувал

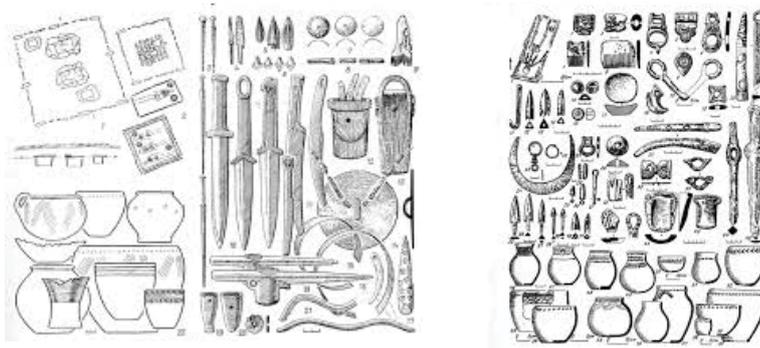
*Якутский камин — комулук
с трубой из жердей*

Приложение № 4

Якутская верхняя зимняя одежда близка к женской одежде алтай — кижы и теленгитов. А южно-алтайский чегедек, длиннополая безрукавка замужних женщин, и якутский таналай сон, парадная верхняя одежда с короткими рукавами, имеют общей происхождения.

Приложение № 5

Глиняные посуды у якутов и шорцев

Приложение № 6

Алтайская волокуша (шырка) Якутская волокуша (сыар5а)

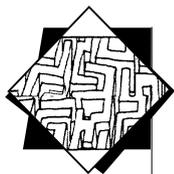
Приложение № 7

Старинное алтайское седло

Якутское седло

Приложение № 8

Якутская ручная каменная зернотёрка Алтайская ручная каменная зернотёрка

Приложение № 9

Бытовые предметы из берёзы и её корня

Приложение № 10

Алтайские предметы для охоты

Якутские предметы для охоты

Приложение № 11

